

СОЦИОЛОГИЯ ПЕРЕМЕН

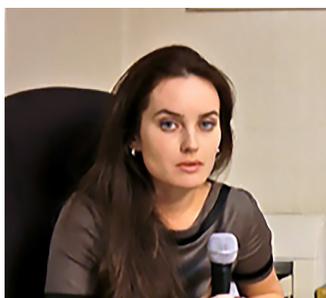
DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.818

EDN: DVMJBE

Российское общество 2020-х гг.: попытка идейного самоопределения

Ссылка для цитирования: Бараш Р. Э. Российское общество 2020-х гг.: попытка идейного самоопределения // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2S. С. 88–102. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.818; EDN: DVMJBE
For citation: Barash R. E. Russian society in the 2020s: an attempt at ideological self-determination. *Vestnik instituta soziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2S. P. 88–102. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.818; EDN: DVMJBE

Бараш Раиса Эдуардовна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

raisabarash@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 595319

Аннотация. Обращаясь к работам В. В. Петухова, посвящённым изучению динамики общественного мнения, в том числе по вопросам политического самоопределения, автор исследует влияние изменения социально-экономической и политической конъюнктуры на предпочтения россиян. В актуальных социологических данных автор находит подтверждение идей В. В. Петухова о последовательных попытках идеологического самоопределения россиян, несмотря на постоянное воздействие на общество кризисных событий разного происхождения, социальной турбулентности и ограниченных возможностей политического представительства.

Хотя запрос российского общества 1990-х гг. на демократические преобразования в 2000-е гг. сменился скепсисом в отношении применимости западных моделей развития, общественно значимыми оставались ключевые демократические принципы: снятие запрета на публичную критику высших должностных лиц, расширение гласности и свобода слова, ликвидация цензуры, демократизацию выборов и т. п. Сосредоточенность многих россиян на частных проблемах к выборным кампаниям 2019–2021 гг. сменилась ростом интереса к политическому участию и идейному самоопределению, и в 2021 г. около трети граждан смогли чётко определить собственные идейно-политические взгляды.

Если ограниченные возможности партийно-политического представительства 2000–2010-х гг. стимулировали общественный запрос на идейное самоопределение, то циркулирующие в официальном дискурсе категории идентичности давали многим людям повод задумываться об их смыслах, и даже изменить собственные представления. Так произошло с категорией «русский», содержание которой за последние несколько лет стало более четким, а трудно уловимые составляющие идентичности утратили популярность. Перестала быть популярной идея, что русские – это все те, кто честно трудится во благо России. Чуть уменьшилась и доля тех, кто согласен с самой популярной логикой интерпретации русской

идентичности, предполагающей, что русский это тот, кто вырос и воспитывался в традициях русской культуры, тогда как популярность определения русской идентичности через родной русский язык, русское происхождение и самоопределение после 2014 г. выросла. Возможно, поиск содержательных атрибутов русской идентичности, совпадающей в представлении многих с гражданской российской идентичностью, вместе с поддержкой идеи национального многообразия является попыткой «сборки» российским обществом нового общественного консенсуса и поиска оснований новой национальной мифологии.

Ключевые слова: молодёжь, активизм, идентичность, социальная солидарность, национальная мифология

Научно-исследовательские интересы Владимира Васильевича Петухова, касаясь многих тем, были посвящены прежде всего изучению низового активизма, гражданской самоорганизации и общественного запроса на политическое участие в России. Под влиянием экономических потрясений и социальной турбулентности общественный запрос склоняется то к желанию перемен, то к стабильности. Запрос на демократические преобразования 1990-х гг. к середине 2000-х гг. сменился у отдельных социальных групп скепсисом в оценках применимости в России западных моделей развития [10, с. 14] и симпатией к сильной верховной власти [13]. В постсоветском обществе демократические принципы воспринимались не столько как самоценность, сколько как залог быстрого повышения уровня жизни. Так что неудачи социально-экономических преобразований 1990-х гг. (массовое обеднение населения и административно-бюрократический произвол) породили скептическое отношение и к либерально-демократической идеологии [10, с. 10–11]. Однако идею Р. Пайпса, что В. Путин «восстановил в России традиционную модель управления: автократическое государство», В. В. Петухов не принимал [27] и предостерегал от ошибочного понимания «русского пути» как синонима отторжения западных моделей развития, связывая терпимое отношение многих граждан в 2000-е годы к ограничению демократических свобод с неразвитостью демократических институтов и неустойчивостью демократических процедур [10, с. 6].

Общество в поиске самоопределения

К началу 2010-х гг., несмотря на сложности институционализации демократии, социальную нестабильность 1990–2000-х гг. и дефицит энергии для гражданской самоорганизации [17], общественно значимыми оставались такие ключевые демократические принципы, как снятие запрета на публичную критику высших должностных лиц, расширение гласности и свобода слова, ликвидация цензуры, демократизация выборов и т. п. [10, с. 17]. Ограниченные возможности партийно-политического представительства и низовой демократии начала 2010-х гг. стимулировали общественный

запрос на «дефицитные» в реальной жизни граждан идеи справедливости, гражданских свобод и прав человека [12; 15]. Попытки же системных политических сил «нарастить» электоральную поддержку сочетанием концептов и лозунгов из разных «идеологических корзин» в предвыборном «идеологическом компоте» [9] только порождали недовольство системной деполитизацией и деидеологизацией [8], мотивировали активных граждан к попыткам «пересборки» и коррекции механизма выборов (например, в формате института наблюдателей), либо через введение в электоральную систему дополнительных переменных (создания новых партий или обновления «смыслов» старых через включение в них новых лидеров, идей или даже дополнительных функций, например, спойлера).

В рамках практически каждого электорального цикла, стремясь расширить возможности политического представительства, россияне пытались разобраться и в собственных взглядах [12], соотнося их с классическими идеологемами консерватизма, либерализма и социализма [10, с. 74]. Социальные кризисы, обнуляя планы многих людей [16], последовательно мотивировали общественный запрос на деполитизацию [18] и идейно-политическое самоопределение граждан. Так было и после кризиса 2014–2015 гг. [26], когда сосредоточенность многих россиян на частных проблемах к выборным кампаниям 2019–2021 гг. сменилась ростом интереса к политическому участию и идейному самоопределению. В 2021 г. около трети людей (32%) смогли четко определить собственные идейно-политические взгляды: 18% из них назвали себя сторонниками левых взглядов (в том числе – 11% определили себя коммунистами, 9% – приверженцами обновлённого, социализма, например, социал-демократии), 7% симпатизировали идеям либерализма и рыночной экономики, столько же – концепции самостоятельного русского пути развития¹. Еще 18% выступали за сочетание разных идей (18%).

Другой вопрос, как писал В. Петухов, – классические идеологемы давно приобрели в российском приложении специфическую интерпретацию [12, с. 27]: левая идея стала пониматься «в связке» с советским наследием, либерализм – с западничеством, традиционализм же объединяет целый комплекс консервативных идей и понимается как «особый русский путь». Наконец, почти половина граждан (49%) открыто дистанцируются от любых идеологем² и намеренно избегают политического участия [12], будучи погружены в стресс «безысходного терпения» [6, с. 7–13] и недовольства системой политического представительства в стране [18]. Но даже затруднения с политической самоидентификацией значительного числа граждан не означает отсутствия у них идеологических предпочтений и многие из неопределившихся охотно размышляют о желаемых направлениях развития страны и общества [16].

¹ Данные социологического исследования ФНИСЦ РАН, проведённого в 2021 г. в рамках реализации проекта РНФ (проект № 20-18-00505) по общероссийской выборке (N = 2000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

² Там же.

По наблюдениям В. В. Петухова, в середине 2010-х гг. в представлениях россиян о приоритетных направлениях развития страны преобладал запрос на реализацию триады идей: социальной справедливости, демократии и державности [12, с. 36]. К началу 2020-х гг. популярность идей справедливости и демократии последовательно возрастала (с 47 и 27% в 2014 г. до 59 и 37% соответственно в 2018 г.) [12, с. 25]. Это связывалось с активным включением в политическую жизнь городской молодежи, ещё не имеющей разочарований по поводу неудачных попыток демократизации страны в 1980–1990-е гг. Запрос на демократические изменения общества становился менее идеологизированным и часто виделся инструментом обеспечения политического представительства различных социальных групп, а также механизмом обеспечения политических свобод, честных выборов, права на самоорганизацию [17].

Идея развития России как великой державы длительное время была третьей по популярности, но доля державников в обществе постепенно снижалась (с 35% в 2014 г. до 32% в 2018 г.). Другие вариации развития страны, также соотносящиеся скорее с консервативным дискурсом: идея сильной власти, обеспечивающей порядок (26%), и перспективы возвращения к национальным традициям (26%) в конце 2010-х гг., были популярны примерно среди четверти россиян. Популярность националистического лозунга «Россия в первую очередь для русских» (12%) в качестве стратегии государственного развития в конце 2010-х гг. была откровенно низка [12, с. 36].

Праволиберальные идеи свободного рынка с минимальным вмешательством государства в экономику и сближения с Западом (по 14%) в конце 2010-х гг. заметно проигрывали и идеям социальной справедливости и демократии, и консервативному дискурсу. Что позволяло некоторым исследователям оценивать установки российского общества конца 2010-х гг. как преимущественно социал-либеральные и демократические, базирующиеся на двух ключевых запросах – «заботливое государство» и эффективные демократические институты, ограничивающие агрессивную природу капитализма и поддерживающие утверждение в обществе принципов человечности, уважения и солидарности¹.

При этом В. В. Петухов оценивал массовый запрос российского общества конца 2010-х гг. скорее как социал-консервативный, ориентированный в равной степени и на личные свободы (предпринимательства, выбора профессии, перемещений, получения информации и политических взглядов), и справедливый закон, и на традиционные морально-нравственные устои. Будучи уверенным в постепенном утверждении в российском обществе «культуры участия» [10, с. 174] и массового общественного запроса на демократическое политическое представительство [17, с. 33]. он, в одной из своих последних работ, прогнозировал возможность разрастания консервативного запроса общества под влиянием

¹ Юдин Г. Выход из миллениума: захотят ли молодые покинуть эпоху, в которой родились? // Европейский диалог. 2020. URL: <http://www.eedialog.org/ru/2020/05/21/vyход-iz-milleniума-zahotjatli-molodye-pokinut-jepohu-v-kotoroj-rodilis/> (дата обращения: 30.05.2022).

расширяющейся уверенности в том, что сложности, переживаемые Россией в последние годы, есть результат целенаправленного внешнего воздействия на неё со стороны Запада [12, с. 40], в российском обществе могут укрепиться симпатии идеям величия державы и возврата к традиционным ценностям, «сильной руке» [12, с. 36]. Социологические данные весны 2022 г. подтвердили эту гипотезу: хотя наиболее популярной оставалась идея развития страны как государства, обеспечивающего социальную справедливость (47%), на второе место вышла модель «сильной руки», предполагающая утверждение в России сильной власти, обеспечивающей в стране порядок и развитие (40%)¹. Запрос на реализацию государством демократических принципов опустился со второго на третье место (39%) и сравнялся с традиционалистской установкой на сохранение национальных традиций, моральных и религиозных ценностей (39%). Еще чуть более трети (35%) опрошенных высказались за то, чтобы Россия стала великой державой мира, объединяющей разные народы, а идея строительства национального русского государства «России для русских» популярна среди единиц (8%).

Праволиберальная стратегия развития страны, предполагающая государственные гарантии частной собственности, свободного рынка и минимизацию государственного вмешательства в экономику (21%), ограничение социального неравенства и социального расслоения (17%) и активное сотрудничество с Западом (14%) весной 2022 г. пользовалась поддержкой не более чем пятой части опрошенных.

Рост симпатий консервативным идеям весной 2022 г. связан с целым рядом причин, влияние которых можно будет понять и оценить лишь спустя время. Это может являться следствием внешнеполитической изоляции страны и политической централизации общества, и распространения действий санкционных пакетов в том числе на рядовых граждан. Это и эффект патриотического сплочения общества в критической ситуации («Rally 'round the flag effect») [4], и влияние медийной повестки государственных СМИ. В экстремальной ситуации общественное мнение часто формируется под влиянием эффектов «сферхбольшинства» и «спирали молчания», когда, не имеющие чётких представлений о происходящем, граждане присоединяются к точке зрения большинства. А носители противоположных большинству взглядов не афишируют своё мнение². Данные социологического опроса, проведённого в экстремальной для общества ситуации, действительно могут отражать идеологический разворот российского общества от ценностей социальной справедливости и демократии к идеям «сильной руки» и сохранения национальных традиций, а могут быть результатом стремления респондентов дать обще-

¹ Данные социологического исследования ФНИСЦ РАН, проведенного в 2022 г. в рамках реализации проекта РНФ (проект № 20-18-00505) по общероссийской выборке (N = 2000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

² Рогов К. Правда ли, что 83% россиян поддерживают Путина? // Forbes.ru. 2014. 11.09. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/267487-kak-ukrainskii-konflikt-povliyal-na-putinskoe-bolshinstvo> (дата обращения 30.05.2022).

ственно одобряемые ответы [28, с. 129]. Во всяком случае, предшествовавшая попытка 2014–2015 гг. объединить общество и власть в единую политическую нацию в рамках единого консервативного идеологического тренда, как об этом писал Л. Г. Бызов, не имела успеха [2]. Даже «русский вопрос» после 2014 г. оказался отнюдь не так востребован, как это могло показаться. В. Петухов писал, что выдвинутый российскими властями в 2014 г. концепт защиты прав русских в том числе и на постсоветском пространстве лишь частично срезонировал с общественными ожиданиями [7], связанными не с идеей национального Ренессанса, а с утверждением более справедливого общественного устройства и представительства интересов граждан.

Динамика общественных представлений о категории «русский» после 2014 г.

Уже отмечалось, что идея развития России как национального государства в 2010-е гг. была одной из наименее популярных, пользуясь поддержкой около 10% россиян. Столь же мала была популярность лозунга «Россия для русских» как стратегии межнациональных отношений в стране, альтернативной идеям мультикультурализма или предоставления особых прав русскому большинству. Согласно данным исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, рост интереса к «русскому вопросу» пришёлся на середину 2000 гг., когда в преддверии и парламентских (2007 г.), и президентских (2008 г.) выборов, тематика межнациональных отношений и миграции поднималась практически всеми политическими силами [7, с. 83–101]. Но уже в 2014 г. уровень поддержки идеи мононационального русского государства снизился до 9% (с 14–16% в начале 2000-х гг.) и почти не изменился, несмотря на постоянное присутствие «русской темы» в дискурсе власти¹.

Несколько выросла популярность идеи, что русские, являясь большинством в России, должны иметь больше прав: с 32% в 2014 г. до 35% в 2020 г. Во многом это произошло вследствие обсуждения конституционных поправок, касающихся статуса русского языка и русских: ч. 1 ст. 68 Конституции РФ 2020 г. закрепляла за русским языком статуса «языка государствообразующего народа» резонируя с более ранней идеей В. В. Путина (2018) признать русский народ государствообразующим².

¹ Данные проекта РНФ № 14-28-00218 «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», выполненного в Институте Социологии РАН в 2014 г. по выборке в 4000 респондентов (N = 4000), репрезентирующих взрослое население страны в возрасте 18 лет и старше, в разбивке по возрастным когортам.

² Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Официальный сайт Президента России. 2018. 18 октября. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58848> (дата обращения: 30.05.2022).

Несмотря на колебания популярности идей национального русского государства и предоставления русским особых прав, большинство россиян (46–53%) на протяжении многих лет поддерживали идею, что Россия – общий дом многих народов, оказывающих друг на друга своё влияние и все россияне должны обладать равными правами (47% в 2020 г.)¹.

Отношение респондентов к стратегии национальной политики зависит от того, как они понимают идентичность, в том числе русскую: через «кровь», «почву», российское гражданство, связь с православием или русским языком. Превращение «русской темы» в одну из ключевых в дискурсе российской власти стало поводом для многих людей задуматься о «наполнении» русской идентичности сегодня. Еще в 2014 г. В. В. Петухов и Р. Э. Бараш писали, что многие аспекты этой проблемы непрояснены и для рядовых граждан, и для специалистов [7]. Нет здесь определенности и сейчас, люди часто используют слова «русские» и «россияне» вперемешку [5, с. 20–21]. Если категория «российский» воспринимается людьми как атрибут государства, политики или идеологии, то «русский» далеко не всегда означает этническую принадлежность, часто употребляется в связке с русской культурой и историей, с которыми они себя ассоциируют². Это во многом резонирует с заданным экспертным сообществом ещё в середине 1990-х гг. противопоставлением «российского» как воплощения не вполне удачного проекта либерального государства периода Б. Ельцина и обновлённого проекта новой России³, который, кстати сказать, заметно способствовал складыванию концепта «Русского мира».

Не добавляет ясности в этом вопросе и непоследовательность дискурса российского политического руководства в трактовке категории «русский». В 2014 г. В. В. Путин говорил, что «Крым – это исконно русская земля, а Севастополь – русский город»⁴, а уже в 2018 г. –

¹ Данные проекта «Исторические символы как фактор укрепления общероссийской гражданской идентичности», выполненного в рамках реализации программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. в ФНИСЦ РАН. Данные социологического исследования, проведённого в 2020 г. по общероссийской выборке (N = 2000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

² Данные проекта «Исторические символы как фактор укрепления общероссийской гражданской идентичности», выполненного в рамках реализации программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. в ФНИСЦ РАН. Данные социологического исследования, проведённого в 2021 г. методами фокус-групповых дискуссий (63 участника) и серии экспертных интервью (10 участников) в Республике Башкирия, Вологодской области и Москве.

³ Ларюэль М. Оттенки национализма. Почему слово «русский» нельзя считать признаком этно-национализма // Ponarseurasia.org. 2016. Январь. URL: https://www.ponarseurasia.org/wp-content/uploads/attachments/Pepm416_rus_Laruelle_Jan2016.pdf (дата обращения: 30.05.2022).

⁴ Обращение Президента Российской Федерации // Kremlin.ru. 2014. 18 марта. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 30.05.2022).

что «огромный русский мир... никогда не строился исключительно и только по этническому, национальному и религиозному признаку..., но объединяет всех, кто чувствует себя духовно связанным с Россией, кто считает себя носителями русского языка, культуры, русской истории»¹. Предложив в 2020 г. конституционно закрепить за русским народом статус государствообразующего², через год, в 2021 г. в статье «Об историческом единстве русских и украинцев» В. В. Путин писал, что «русские и украинцы – один народ, единое целое»³.

Неоднозначность публичных трактовок содержания русской идентичности отразилась и в установках общественного мнения: в 2020 г. отвечая на вопрос, кого можно назвать русским, респонденты чаще всего называли два ключевых, но по сути взаимоисключающих признака: культуру (48%) и этническое происхождение (41%). Это отражает не только две логики понимания современной русской идентичности, как культуры нации модерна и как традиционной общности, национальности по крови, но и наследие советской национальной политики, частично перенятой и Россией, когда русские, как писал Дж. Хоскинг [28, с. 15], становились «мотором» освоения имперских пространств через в том числе и через их «русификацию», оставаясь одним из народов политической советской нации [22, с. 15].

Если ограниченные возможности партийно-политического представительства 2000–2010-х гг. стимулировали общественный запрос на идейное самоопределение, то циркулирующие в официальном дискурсе категории идентичности давали многим людям повод задумываться об их смыслах и даже изменить собственные представления. Так произошло с категорией «русский»: за последние несколько лет её содержание стало более чётким, а скорее номинальные, трудно уловимые составляющие идентичности утратили популярность. В 2020 г. заметно реже, чем в 2014 г. (20 против 27%), респонденты соглашались с тем, что русские – это все те, кто честно трудится во благо России. Хотя ещё в начале 2010-х гг. некоторые из авторов концепта «Русского мира» определяли русскую идентичность как сконструированную под сверхзадачу деятельности государства, формирующуюся «рядом и по отношению к государству»⁴. Но после 2014 г., как свидетельствуют социологические данные, далеко не все россияне, в том числе, разумеется, и русские,

¹ Путин рассказал о принципах формирования русского мира // Tass.ru. 2018. 31 октября. URL: <https://tass.ru/politika/5741622> (дата обращения 30.05.2022).

² Путин внес поправки про бога, русский народ и союз мужчины и женщины // РБК. 2020. 2.03. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/03/2020/5e5d010e9a794718c0f57783> (дата обращения: 30.05.2022).

³ Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» // Kremlin.ru. 2021. 12 июля. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 30.05.2022 г.)

⁴ Русские — это искусственно сконструированная идентичность под сверхзадачу Гостроя // Русский архипелаг. 2009. <https://archipelag.ru/authors/gradirovsky?library=2758> (дата обращения: 30.05.2022).

хотят участвовать в государственных мегапроектах, за успех реализации которых русским на протяжении многих десятилетий, в том числе и последнего, приходилось платить личным благополучием.

С 2014 г. чуть уменьшилась и доля тех, кто согласен с самой популярной логикой интерпретации русской идентичности, предполагающей, что русский – это тот, кто вырос и воспитывался в традициях русской культуры (с 50 до 48%). Сама суть русской культуры как основания идентичности, возможные вариации и степени принадлежности к ней в современном глобальном мире очень условна, и культуру как базовую составляющую «русскости» респонденты называют скорее по инерции. Любовь к России (23–25%) и российское гражданство (8–9%), популярность которых в качестве ключевых атрибутов русской идентичности с 2014 г. не изменилась. Как принадлежность к русской культуре, эти составляющие русской идентичности скорее формальны, респонденты называют их в дополнение к более содержательным атрибутам «русскости»: родному русскому языку, русскому происхождению, инициативному русскому самоопределению и православной вере, популярность которых в качестве ключевых для русской идентичности атрибутов после 2014 г. выросла. Эти черты, взятые вместе, кроме разве что этнического происхождения, и составляют собою русскую культуру, сопричастность к которой большинство считают основанием современной русской идентичности. Такие характеристики очень конкретны и знание русского языка в совокупности с «русским» самоопределением, не оставляют сомнений в русской идентичности человека. И если формальные атрибуты «русскости» не меняются или даже теряют свою популярность, то конкретные черты становятся всё более популярными.

Так, на 10% (с 29% в 2014 г. до 39% к 2020 г.) выросла популярность идеи, что русские – это все, для кого родным является русский язык. Этому способствовал тезис о защите прав русскоязычных соотечественников за рубежом, ставший одной из центральных составляющих внешнеполитического дискурса российского государства последнего десятилетия. Важную роль сыграло и закрепление конституционными поправками в 2020 г. за русским языком статуса языка государствообразующего народа, а также медийное обсуждение их целесообразности.

Под влиянием «повседневного национализма» [24; 25; 26] дискурса «Русского мира» и государственного патриотизма [20] выросла и популярность идеи определения русской идентичности через происхождение, рождение у русских родителей, с 35% в 2014 г. до 41% в 2020 г.

Вместе с тем, общий перформативный поворот в восприятии идентичности породил рост популярности инициативной русской самоидентификации, возможности стать русским через самоопределение (с 22% в 2014 г. до 28% в 2020 г.) [23]. Также несколько выросла попу-

лярность идеи о связи русскости и православного вероисповедания (с 10 до 15% соответственно)¹, хотя эта интерпретация принадлежности к русскому народу не является особенно популярной.

Самые молодые россияне реже других поддерживают определение русской идентичности через культурную социализацию (44% среди респондентов 18–24 лет против 49% среди тех, кому более 60 лет), чаще называют русскими всех граждан России (12% против 9% среди всех опрошенных)².

Возможно, поиск содержательных атрибутов русской идентичности, совпадающей в представлении многих с гражданской российской идентичностью, вместе с поддержкой идеи национального многообразия является попыткой «сборки» российским обществом нового общественного консенсуса и поиска оснований новой национальной мифологии. Об общественном запросе на «патриотизм снизу» как стремлении к единению с согражданами и преодолению социальной атомизации [5, с. 14] на фоне привязанности к родине/стране как к месту, и людям его населяющим [23, с. 16; 29], писали и участники исследовательского проекта под руководством К. Клеман, реализованного в нескольких российских регионах.

В англоязычном дискурсе категория «национализм» лишена той негативной коннотации, что она имеет в русском языке, и часто понимается синонимичной патриотическому нациестроительству [5, с. 16] [1; 20]. Но патриотизм как стремление к взаимодействию с согражданами ради блага страны, общества и общих ценностей [30, с. 18], отличается от национализма как чувства морального и культурного превосходства «своих» над «чужими» и кажется более подходящей категорией для описания актуального общественного запроса на преодоление аномии через создание «воображаемого сообщества» с внятной эмоционально притягательной идентичностью.

То, каким в итоге будет общественный запрос на вектор развития страны на фоне происходящих масштабных геополитических и экономических трансформаций, спустя некоторое время определит российская молодёжь. В одной из своих последних статей В. В. Петухов писал о растущей заинтересованности российской молодёжи в переменах, связывая это в первую очередь с вступлением в активную, в том числе и социально-политическую, жизнь «цифрового поколения» – центини-

¹ Данные проекта «Исторические символы как фактор укрепления общероссийской гражданской идентичности», выполненного в рамках реализации программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. в ФНИСЦ РАН. Данные социологического исследования, проведённого в 2020 г. по общероссийской выборке (N = 2000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него – полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

² Данные проекта «Исторические символы как фактор укрепления общероссийской гражданской идентичности», выполненного в рамках реализации программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. в ФНИСЦ РАН. Данные социологического исследования, проведённого в 2020 г. по общероссийской выборке (N = 2000).

алов [14], ориентированных в первую очередь на жизнь в социально справедливом обществе. С 2014 по 2018 г. доля молодых россиян, которым близка эта идея, выросла на 10–12 п.п., тогда как идея «величия страны», оставаясь востребованной почти третью молодых респондентов, заметно уступала в иерархии их предпочтений не только идее социальной справедливости, но и идее демократии, прав человека, свободе самовыражения личности [14, с. 131]. Кроме того, ни идея возврата к традиционным ценностям, ни идея восприятия России в качестве осаждённой крепости, все проблемы которой связаны исключительно с негативным внешним влиянием, не были близки молодым людям [14, с. 130].

Впрочем, перспективы идейного самоопределения россиян в гораздо большей степени, чем от персональных установок, в сложившейся ситуации зависят от тех возможностей общественно-политического участия, которые останутся у граждан в кризисной ситуации. В любом случае, как показывают многолетние наблюдения, многие граждане будут пытаться разобраться в собственных идейно-политических взглядах и вариантах наиболее предпочтительного пути развития страны.

Библиографический список

1. Антоновский А. Ю. Эволюционный подход к развитию науки. К русскому переводу работы Н. Лумана «Эволюция науки» // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52. № 2. С. 201–214.
2. Бызов Л. Г. Консервативный тренд в современном российском обществе – истоки, содержание и перспективы // Общественные науки и современность. 2015. №4. С. 25–49.
3. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
4. Казун А. Д. Эффект «rally around the flag». Как и почему растёт поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. 136–146. DOI: 10.17976/jpps/2017.01.12
5. Клеман К. Патриотизм снизу. «Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране?». М.: Новое литературное обозрение, 2021. 232 с.
6. Левада Ю. А. Человек недовольный: протест и терпение // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 6(44). С. 7–13.
7. Петухов В. В., Бараш Р. Э. Русские и «Русский мир»: исторический контекст и современное прочтение // Полис. Политические исследования. 2014. № 6. С. 83–101.
8. Петухов В. В. Готовность россиян к отстаиванию своих социально-экономических прав в «новой кризисной реальности» // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 86–96.

9. Петухов В. В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250007743-0
10. Петухов В. В. Демократия участия и политическая трансформация России. М.: Academia, 2007. 176 с.
11. Петухов В. В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11 (415). С. 40–53. DOI: 10.31857/S013216250002784-5
12. Петухов В. В. Идейно-политические предпочтения россиян: смена дискурса // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 4. С. 25–43. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7654
13. Петухов В. В. Кризисная реальность и возможность политической трансформации российского общества // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 8–24. DOI: 10.17976/jpps/2016.05.02
14. Петухов В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119–138. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621
15. Петухов В. В. Эволюция представлений россиян о демократии: от мечты до запроса на работающие институты // Россия реформирующаяся. Вып. 11: Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 264–288.
16. Петухов В. В., Петухов Р. В. Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 119–133. DOI: doi.org/10.17976/jpps/2019.05.09
17. Петухов В. В., Петухов Р. В. Социально активные группы российского общества: формирование запроса на демократическое участие // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 1. С. 16–38. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.697
18. Петухов В. В., Бараш Р. Э., Седова Н. Н., Петухов Р. В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. Т. 22. № 9. С. 11–19.
19. Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов / Колл. моногр.; ред. С. В. Ерпылева, А. В. Магун. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
20. Сурсанова Ю. В. Репрезентация практик ежедневного национализма на телеканале «Россия 1» // Ars Administrandi (Искусство управления). 2021. Т. 13. № 1. С. 31–48. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-31-48
21. Филатов В. П., Касавин И. Т., Антоновский А. Ю., Рузавин Г. И. Обсуждаем статьи о конструктивизме // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 20. № 2. С. 142–156.
22. Хоскинг Дж. Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 543 с.

23. Bertens L. M. F. Doing' memory: performativity and cultural memory // Cardiff J., Bures G. Miller's Alter Bahnhof Video Walk. *Holocaust Studies*. 2020. Vol. 26. No. 2. P. 181–197.
24. Fox J. E., van Ginderachter M. Introduction: Everyday nationalism's evidence problem // *Nations and Nationalism*. 2018. Vol. 24. № 3. P. 546–552. DOI: 10.1111/nana.12418
25. Goode J. P., Stroup D. R. Everyday Nationalism: Constructivism for the Masses // *Social Science Quarterly*. 2015. Vol. 96. No. 3. P. 717–739. <https://doi.org/10.1111/ssqu.12188>.
26. Knott E. Everyday Nationalism: A Review of the Literature // *Studies on National Movements*. 2015. No. 3. P. 1–6.
27. Pipes R. Flight from Freedom: What Russians Think and Want // *Foreign Affairs*. 2004. Vol. 83. No. 3. P. 9–15. DOI: 10.2307/20033971
28. Preisendörfer P., Wolter F. Who Is Telling the Truth? A Validation Study on Determinants of Response Behavior in Surveys // *Public Opinion Quarterly*. 2014. Vol. 78. Iss. 1. P. 126–146. DOI: 10.1093/poq/nft079
29. Rather D., Kirschner E. *What Unites Us: Reflections on Patriotism*. Algonquin Books of Chapel Hill, 2017. 304 p.
30. Smith S. B. *Reclaiming Patriotism in an Age of Extremes*. New Haven, CT: Yale University Press, 2021. P. 256.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бараш Раиса Эдуардовна, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.818

EDN: DVMJBE

Russian Society in the 2020s: An Attempt At Ideological Self-Determination

Raisa E. Barash

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: raisabarash@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-5899-973X

For citation: Barash R. E. Russian society in the 2020s: an attempt at ideological self-determination. *Vestnik instituta soziologii*. 2022. Vol. 13. No. 2S. P. 88–102. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2S.818; EDN: DVMJBE

Abstract. Addressing the works of V. V. Petukhov, dedicated to the study of public opinion dynamics, including on issues of political self-determination, the author examines the impact of changes in the socio-economic and political situation on the preferences of Russians. In current sociological data, the author finds confirmation of the ideas of V. V. Petukhov about consistent attempts at ideological self-determination of Russians, despite the constant impact on society of crisis events of various origins, social turbulence and limited opportunities for political representation. Although the request of Russian society in the 1990s for democratic reforms was replaced in the 2000s by skepticism about the applicability of Western models of development, key democratic principles remained socially significant: the lifting of the ban on public criticism of senior officials, the expansion of publicity and freedom of speech, the

elimination of censorship, the democratisation of elections, etc. The focus of many Russians on private problems by the time of election campaigns in 2019–2021 was replaced by a growing interest in political participation and ideological self-determination, and in 2021 about a third of citizens could clearly define their own ideological and political views.

If the limited possibilities of party-political representation in the 2000–2010s stimulated public demand for ideological self-determination, then the categories of identity circulating in the official discourse gave many people a reason to think about their meanings, and even change their own ideas. This happened with the category “Russian”, the content of which has become clearer over the past few years, and the subtle components of identity have lost popularity. The idea that Russians are all those who honestly work for the benefit of Russia has ceased to be popular. The proportion of those who agree with the most popular logic of interpreting Russian identity, that suggests that a Russian is one who grew up and was brought up in the traditions of Russian culture, has slightly decreased, while the popularity of defining Russian identity through the native Russian language, Russian origin and self-determination after 2014 increased. It is possible that the search for meaningful attributes of Russian identity, coinciding in the view of many with Russian civil identity, along with support for the ideas of national diversity, is an attempt by Russian society to “assemble” a new social consensus and search for the foundations of a new national mythology.

Keywords: youth, activism, identity, social solidarity, national mythology

References

1. Antonovskiy A. Yu. Evolutionary approach to the development of science. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2017: 52: 2: 201–214 (in Russ.).
2. Byzov L. G. Conservative Trend in Modern Russian Society – The Origins, Contents And Prospects. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, 2015: 4 : 25–49 (in Russ.).
3. Wallerstein I. Posle liberalizma [After Liberalism]. Moscow, Editorial URSS, 2003: 256 (in Russ.).
4. Kazun A. D. “Rally around the Flag” Effect. How and Why Support of the Authorities Grows During International Conflicts and Tragedies? *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2017: 1: 136–146 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2017.01.12
5. Clăment K. Patriotizm snizu. «Kak Takoye Vozmozhno, Chtoby Lyudi Zhili Tak Bedno v Bogatoy Strane?» [Patriotism From Below. “How is it Possible for People to Live so Poorly in a Rich Country?”]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2021: 232 (in Russ.).
6. Levada Yu. A. Chelovek nedovol’nyy: protest i terpeniye [The Discontented Man: Protest and Patience]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social’nye peremeny*, 1999: 6(44): 7–13 (in Russ.).
7. Petukhov V. V., Barash R. E. Russkiye i “Russkiy mir”: istoricheskiy kontekst i sovremennoye prochteniye [The Russians and the «Russian World»: the historical context and the contemporary interpretation]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2014: 6: 83–10 (in Russ.).
8. Petukhov V. V. Readiness of Russians to Uphold their Socio-Economic Rights in the “New Crisis Reality”. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2016: 11: 86–96 (in Russ.).
9. Petukhov V. V. Civic participation in modern Russia: the interaction of political and social practices. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2019: 12: 3–14 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250007743-0
10. Petukhov V. V. Demokratiya uchastiya i politicheskaya transformatsiya Rossii [Democracy of participation and political transformation of Russia] Moscow, Academia, 2007: 176 (in Russ.).
11. Petukhov V. V. Dynamics of the Social Attitudes of the Russia’s Citizens and Making of a Public Demand for Change. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2018: 11: 40–53 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250002784-5
12. Petukhov V. V. Ideological and Political Preferences of the Russians: Changing of the Discourse. *Sociologicheskaya nauka i social’najapraktika*. 2020: 8: 4: 25–43 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2020.8.4.7654
13. Petukhov V. V. Crisis Reality and the Possibility of Political Transformation of Russian society. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2016: 5: 8–24 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2016.05.02
14. Petukhov V. V. Russian Youth and Its Role in Society Transformation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial’nyye peremeny*, 2020: 3: 119–138 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621

15. Petukhov V. V. Evolyutsiya predstavleniy rossiyan o demokratii: ot mechty do zaprosa na rabotayushchiye instituty [The evolution of Russians' ideas about democracy: from a dream to a request for working institutions]. *Rossiya reformiruyushchayasya [Reforming Russia]*. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Novyy khronograf, 2012: 11: 264–288 (in Russ.).
16. Petukhov V. V., Petukhov R. V. Request for Change: Factors and Causes of its Actualization, Key Components, and Potential Carriers. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2019: 5: 119–133. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.09 (in Russ.).
17. Petukhov V. V., Petukhov R. V. Socially active groups of Russian society: forming a demand for democratic participation. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 12: 1: 16–38. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.697 (in Russ.).
18. Petukhov V. V., Barash R. E., Sedova N. N., Petukhov R. V. Grazhdanskiy aktivizm v Rossii: motivatsiya, tsennosti i formy uchastiya [Civil Activism in Russia: Motivation, Values and Forms of Participation] *Vlast'*, 2014: 22: 9: 11–19 (in Russ.).
19. Politika Apolitichnykh: Grazhdanskie Dvizheniia v Rossii 2011–2013 Godov [Politics of Apolitical: Civil Movements in Russia 2011–2013]. Ed. by S. Erpyleva, A. Magun. Moscow, NLO, 2014: 480 (in Russ.).
20. Sursanova Yu. V. Representation of Everyday Nationalism Practices on “Russia 1” TV Channel”. *Ars Administrandi*, 2021: 13: 1: 31–48 (in Russ.). DOI: 10.17072/2218-9173-2021-1-31-48
21. Filatov V. P., Kasavin I. T., Antonovsky A. Yu., Ruzavin L. I. Obsuzhdaem statyi o konstruktivizme [Discussing Articles about Constructivism]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2009: 20: 2: 142–156 (in Russ.). DOI: 10.5840/eps200920268
22. Hosking G. Praviteli i Zhertvy. Russkiye v Sovetskom Soyuze [Rulers and Victims : the Russians in the Soviet Union]. Moscow, NLO. 2012: 543 (in Russ.).
23. Bertens L. M. F. Doing' memory: performativity and cultural memory. In Cardiff J., Bures G. Miller's Alter Bahnhof Video Walk. *Holocaust Studies*, 2020: 26: 2: 181–197.
24. Fox J. E., Ginderachter M. Introduction: Everyday nationalism's evidence problem. *Nations and Nationalism*, 2018: 24: 3: 546–552. DOI: 10.1111/nana.12418
25. Goode J. P., Stroup D. R. Everyday Nationalism: Constructivism for the Masses. *Social Science Quarterly*, 2015: 96: 3: 717–739. DOI: 10.1111/ssqu.12188.
26. Knott E. Everyday Nationalism: A Review of the Literature. *Studies on National Movements*, 2015: 3: 1–6.
27. Pipes R. Flight from Freedom: What Russians Think and Want. *Foreign Affairs*, 2004: 83: 3: 9–15. DOI: 10.2307/20033971
28. Preisendörfer P., Wolter F. Who Is Telling the Truth? A Validation Study on Determinants of Response Behavior in Surveys. *Public Opinion Quarterly*, 2014: 78: 1: 126–146. DOI: 10.1093/poq/nft079
29. Rather D., Kirschner E. What Unites Us: Reflections on Patriotism. Algonquin Books of Chapel Hill, 2017: 304.
30. Smith S. B. Reclaiming Patriotism in an Age of Extremes. New Haven, CT, Yale University Press, 2021: 256.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Raisa E. Barash, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher,
Center for Complex Social Studies, Institute of Sociology of FCTAS RAS